

Научная статья

УДК 392.51+396.6

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-173-188

EDN: PDLNRK

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ИНГУШСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Ася Магомедовна Гетагазова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, getagazova2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0043-5525>

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые исторические и современные особенности семейно-брачных отношений в ингушском обществе на примере многоженства с момента первых свидетельств о фактах полигамии в народе в XIX – начале XXI в. Целью данного исследования является рассмотрение практик многоженства в исторической динамике. В задачи исследования входил поиск источников, дающих ответы на такие вопросы: в какой период фиксируются практики многоженства; как политика государства влияла на бытование полигамии на различных этапах ее существования; как относятся к практике полигамных браков современные мужчины и женщины ингушской национальности разных возрастов; какова причинно-следственная связь вступления современных ингушей в полигамные браки?

Для комплексного исследования поставленной проблемы автор использовал следующие научные методы исследования: историко-сравнительный, метод тематического интервью, глубинного интервью, а также метод наблюдения.

Сбор полевого материала проводился автором с 2022 по 2024 гг. в различных населенных пунктах Республики Ингушетия – городах Магас, Назрань, Сунжа, Карабулак, а также сельских поселениях Долаково, Экажево, Плиево, Сурхахи, Галашки, Средние Ачалуки и Бейни. В качестве респондентов выступали мужчины и женщины ингушской национальности в возрасте от 25 лет и старше. Все опрошенные имели среднее или высшее образование, различный социальный статус, от безработных до достаточно успешных предпринимателей.

На основании анализа эмпирических данных, полученных в ходе подготовки материала, было установлено, что, несмотря на процессы урбанизации, модернизации культуры, а также реисламизацию общества последних лет, полигамия отчасти сохранилась в ингушском социуме. Исследование показало, что многоженство в некоторых формах сохраняется и в современном обществе, но с течением времени изменилась мотивация молодоженов-ингушей, вступающих в полигамные браки, а также отношение к этому явлению в обществе.

Ключевые слова: ингуши, полигамия, многоженство, «старшая» жена, «первая» жена, «младшая» жена, «вторая» жена.

Для цитирования: Гетагазова А.М. Некоторые особенности семейно-брачных отношений в ингушском обществе: история и современность // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 173-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-173-188. EDN: PDLNRK.

© Гетагазова А.М., 2025

Original article

SOME FEATURES OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN THE INGUSH SOCIETY: HISTORY AND MODERNITY

Asya M. Getagazova

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, getagazova2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0043-5525>

Abstract: The article deals with the practice of polygamy among the Ingush people in the historical dynamics from the first evidence in the early XIX to the XXI century. The tasks of the author's research include finding answers to questions such as: how much more or less common has polygyny become in the Ingush community when comparing the experience of the past (XIX century) to the present? How is the practice of creating polygamous marriages by men and women of Ingush nationality of different ages and varying degrees of education treated by people living in different areas: cities and villages? What are the causal relationships for Ingush newlyweds in polygamous marriages?

The author also aimed to include information about the modern practices of forming polygamous families among the Ingush people in the scientific discourse and to explore the perception of the phenomenon of polygamy by representatives of the nation.

To comprehensively address the claimed topic, the author employed various scientific research methods: historical and comparative methods, thematic interviews, in-depth interviews, and the method of observation.

Based on the analysis of empirical data collected while preparing the material, the author demonstrates that, despite the processes of urbanization, modernization of culture, and recent re-Islamization of society, the culture and traditions of the Ingush people remain strongly influenced. Overall, polygamy has retained its presence in Ingush society. The study shows that the motivations of Ingush newlyweds entering into polygamous marriages have changed over time.

The author collected field material from 2022 to 2024 in various settlements of the Republic of Ingushetia, including the cities of Magas, Nazran, Sunzha, and Karabulak, as well as the rural settlements of Dolakovo, Ekazhevo, Plievo, Surkhakhi, Galashki, Sredni Achaluki, and Beini. The respondents were men and women of Ingush nationality aged 25 years and older. All respondents had secondary or higher education and varied social status, including unemployed individuals, entrepreneurs, and specialists in various fields.

Keywords: Ingushi, Polygamy, Polygamy, "Older" wife, "The First Wife", "Younger" wife, "The Second Wife".

For citation: Getagazova A.M. Some features of family and marriage relations in the Ingush society: history and modernity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 173-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-173-188. EDN: PDLNRK.

© Getagazova A.M., 2025

Введение

Полигамия – одно из самых дискуссионных социальных явлений во всем мире и в тех или иных проявлениях встречается в разных странах и регионах. Принято считать, что чаще всего явление полигамии как формы брака встречается у народностей, исповедующих мусульманскую религию. В России заключение двойного, тройного и четверного неформального религиозного брака чаще всего встречается на Кавказе и в Татарстане среди народностей, придерживающихся правил мусульманской веры.

В данной статье мы рассмотрим явление полигамии в ингушском обществе в историческом контексте и в условиях трансформации практик заключения полигамных брачных союзов в современности.

В рамках данного исследования автор не ставил перед собой цель провести сравнительный анализ с соседними регионами, где также иногда встречается полигамия. Эта тема является недостаточно изученной и требует проведения дополнительных исследований и сбора полевых материалов. Географические рамки данного исследования охватывают территорию Республики Ингушетии.

Обращаясь к терминологии полигамии, отметим, что она подразделяется на два вида – полигиния (многоженство) и полиандрия (многомужество). В истории ингушского народа встречались лишь случаи полигинии. В тексте данного исследования термин полигамия применялся в контексте обозначения формы брачного союза – полигиния.

Исследованием данной темы в разные исторические периоды занимались видные ученые-этнографы Л.Т. Агиева [Агиева 2011], П.Х. Акиева [Акиева 2014], М.С-Г. Албогачиева [Албогачиева 2021], Б.К. Далгат [Далгат 2008], З.М-Т. Дзарахова [Дзарахова 2021], Ф.И. Кудусова [Кудусова 1991], Б. М-Г. Харсиев [Харсиев 1993] и др. Свои исследования вопросам гендерных взаимоотношений и половой стратификации посвящали многие зарубежные ученые прошлого и современности, в частности, Д.С. Милль [Милль 1869], И. Берлин [Берлин 1992], Дж. Батлер [Батлер 2022] и др. В то же время сведений о современных практиках полигинии у ингушей и его восприятию представителями ингушского общества в научных источниках почти нет, чем и обуславливается актуальность данного исследования.

Исторический дискурс о многоженстве

В жизни ингушского народа такое явление как полигиния известно из письменных источников достаточно давно. Например, Б.К. Далгат обратил внимание на то, что многоженство встречалось в ингушском обществе еще до принятия ислама [Далгат 2008: 162]. Однако, по данным исследователей, обращавшихся к этой теме, браки чаще всего бывали моногамными, а многоженство в восприятии представителей этого народа издавна несло в себе оттенок болезненного, противоречивого чувства.

Ориентированные на деторождение и, более того, на рождение сыновей, в случаях бездетности жены или рождения одних девочек некоторые ингуши рассматривали полигамный брак как крайнюю меру, вызванную жизненной в народном понимании необходимостью, почему и прибегали к такой форме семейных отношений не часто. «Благополучие семьи определяется не только материальными благами, но и наличием в семье детей мужского пола – къянк (инг. мальчик)» [Албогачиева 2012: 207]. В сыне ингуши испокон веков видели продолжателя рода, наследника имущества, будущего хозяина дома и опору в старости [Гетагазова 2022: 35].

Б.К. Далгат описывал, что в прошлом в полигамных семьях часто происходили ссоры и разлады. Кроме того, ингушские мужья-многоженцы выражали обеспокоенность дороговизной содержания нескольких жен, бесконечно

соперничавших между собой: «...если они (2 жены) ссорятся, то муж берет еще третью жену, «чтобы поставить ее поперек между ними», говорят ингуши, и таким образом иногда действительно устанавливается дома мир» [Далгат 2008: 157].

Что касается бытовых нюансов многоженства среди ингушей в прошлом, известно, что ингушский мужчина (в основном это были состоятельные семьи) мог позволить себе одновременно быть женатым на четырех женщинах. Причиной создания полигамных семей были, чаще всего, либо бездетность жены или мужа (когда муж не признавал этого), отсутствие сыновей, либо желание родителей девушки удачно «пристроить» дочь. Жены поселялись в разных комнатах, но кухня была общая. При этом первая жена, вне зависимости от возраста, считалась старшей и более почитаемой среди жен. «Младшие» жены слушались ее в вопросах ведения домашних дел и решении бытовых задач.

Л.Т. Агиева отмечала, что в прошлом в полигамных браках дети от всех жен воспитывались в одном дворе. Их матери демонстрировали дружбу и согласие во взаимоотношениях между собой, тем самым выказывая глубокое уважение к мужу. По мнению Л.Т. Агиевой, полигамные семьи существовали по причинам материальной заинтересованности со стороны девушек и их родителей, а также заинтересованности в многочисленном мужском потомстве со стороны мужчин [Агиева 2011: 598].

Проявлять непокорность или упрекать мужа за многоженство ни одна из жен или ее родственников, в соответствии с ингушскими этикетными нормами, не имели права [Дзарахова 2021: 240].

Ф.И. Кудусова отмечала, что ингушки пребывали в постоянном страхе быть оставленными мужьями, а также опасались по поводу привода в дом мужем новой жены (инг. «энгир йоалаяр»). Такое внутренне состояние формировало в ингушках угодническое поведение и стремление угождать мужьям и их членам семьи. Иногда в стремлении сохранить свой статус уважаемой и мудрой женщины, некоторые бездетные ингушки могли способствовать новому браку своего мужа, выступая в роли свахи. В народе считалось, что женщина, которая ставила интересы супруга и его рода выше собственных, заслуживает особого почета и уважения [Кудусова 1991: 30].

Как видно, в условиях патриархата, тесного социального взаимодействия и общественного давления, свойственного ингушскому обществу в прошлые времена желание женщины-ингушки сохранить «лицо», отражалось в её согласии быть участницей привода в семью еще одной жены для мужа. Противиться социальным установкам в традиционном ингушском обществе было характерно для немногих женщин. Большинство ингушских женщин было проще сохранять смиренность, бессловесность и покладистость, нежели подвергнуться критике со стороны общества.

После Октябрьской революции 1917 г. под влиянием новых законов, регулировавших жизнь народов, населяющих РСФСР, многоженство стало трактоваться как пережиток родового быта, как преступление, за которое предусматривалось наказание в ст. 235 Уголовного Кодекса РСФСР (УК РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта» (многоженство, принуждение девушек к вступлению в брак, вступление в брак с малолетним). Нарушение

закона могло привести к наказанию – назначению судом меры пресечения в виде лишения свободы на 1 год, либо выполнения принудительных работ сроком до 1 года или уплаты штрафа до 1000 рублей.

Однако в действительности были и отступления от правовой нормы. М.С-Г. Албогачиева писала: «По официальной статистике, в 1926 г. по всей Ингушетии на 100 женатых мужчин приходилось 111 замужних женщин» [Албогачиева 2021: 163]. Это говорит о том, что многоженство иногда встречалось, но массовым явлением не было. При этом, советской властью «с 1927 г. проводились мероприятия по изживанию экономического и правового неравенства женщин, в частности, мероприятия по «борьбе с многоженством, калымом, умыканием женщин, ранним замужеством, выдачей молодых девушек за стариков против их желания» [Харсиев 2015: 95].

Далее в годы депортации ингушей с территории Чечено-Ингушской АССР в Казахскую и Киргизскую ССР (а также частично в Узбекскую и Таджикскую ССР), осуществлённой Советским Союзом в 1944 г. и продолжавшейся до момента восстановления Чечено-Ингушская АССР в 1957 г., когда, по оценкам Д.М. Эдиева, потери ингушей от депортации составили 20 284 ингуша (21,27 % от числа депортированных), полигамные браки вновь стали представлять собой одну из форм организации бытовой жизни и были сопряжены с необходимостью представителей народа, переживавшего тяжелейшие времена, буквально сохранить жизнь [Эдиев 2003: 102]. Полигамия в те годы являлась неофициальной формой брака, заключавшегося в целях ведения мужчинами и женщинами общего хозяйства и совместного поиска пропитания. Об этом свидетельствует история нашего респондента о случае создания полигамной семьи ингушами, проживавшими в Казахстане примерно в 1950-е годы. Так, его бабушка рассказывала ей историю об одной ингушской семье, в которой у мужчины было три жены. Одна из них очень болела, а другие две ухаживали за ней и занимались всеми хлопотами по быту, а также воспитанием детей. В те годы многие женщины оставались без кормильцев, и едва ли не единственной возможностью выжить было вступление в брак в качестве «второй», «третьей» и т.д. женой [ПМА. № 1].

После восстановления Чечено-Ингушская АССР в 1957 г., когда многие ингушские семьи вернулись на историческую родину, на практику полигамии снова стала оказывать воздействие политика общесоветских власти. Советское руководство продолжало вести борьбу с пережитками родового быта народа. Для этого они практиковали разные меры. Так, в период с апреля по июль 1970 г. в населенных пунктах Назрановского, Малгобекского и Сунженского районов Чечено-Ингушетии были организованы сходы жителей, инициированные партийными организациями, в ходе которых осуждались пережитки прошлого, в том числе и многоженство [Албогачиева 2014: 46].

Однако, несмотря на предпринимаемые руководством СССР меры, направленные на «устранение» из жизни советского общества явлений, признанных «бытовыми преступлениями», полигамные браки, как и некоторые другие архаичные народные традиции, не были до конца искоренены и отчасти встречались в общественной жизни ингушей [Акиева 2016: 335].

В ходе сбора полевых материалов в 2024 г. нами был зафиксирован рассказ респондента из с.п. Галашки о жизни своей матери, которая у отца рассказчицы была второй женой. Ее, 16-летнюю сироту, муж взял в жены в 1958 г. Обе жены жили в одном дворе в разных домах, но с общей кухней. Прожили в разногласиях. Дети не ладили между собой. Но отец об этом не знал, ему ничего об этом не рассказывали, так как он был строг, и они опасались его реакции. Только после смерти отца и разделения женщин по разным местам жительства разногласия между бывшими женами начали утихать [ПМА. № 2].

После распада СССР тема многоженства зазвучала снова в социально-политической повестке, но уже на уровне региональной законодательной инициативы. 19 июля 1999 г. Указом президента Республики Ингушетия Р.С. Аушева «О некоторых вопросах государственной регистрации заключения браков» в регионе было узаконено многоженство. В документе отмечалось: «Граждане мужского пола вправе заключать до четырех браков с лицами женского пола, не состоящими в браке»¹. Однако, разумеется, что на федеральном уровне эта инициатива не могла найти поддержки, и в Семейном кодексе РФ отражена не была. По этой причине, через пять лет после выхода Указа, 16 февраля 2006 г., законом Республики Ингушетии № 11-РЗ он был отменен в связи с полным противоречием законам Российской Федерации. Сведений о количестве зарегистрированных за этот период в Республике Ингушетия полигамных браков в региональном ЗАГСе на сегодняшний день нет. Как пояснила руководитель Органа ЗАГС по Республике Ингушетия Елизавета Мовлаевна Даурбекова, после отмены Указа Р.С. Аушева в результате судебных постановлений все зарегистрированные за время действия Указа браки были признаны недействительными [ПМА. № 3]. Однако, по свидетельству М.С-Г. Албогачиевой в период действия упомянутого закона на территории Республики Ингушетия проживали сотни тысяч вынужденных переселенцев из Чеченской Республики и Северной Осетии-Алании, в числе которых было немало женщин, готовых к созданию семьи [Албогачиева 2021: 165]. По М.С-Г. Албогачиевой, по этой причине среди населения республики сильно увеличилось количество полигамных, нередко межнациональных браков [Албогачиева 2021: 165]. При этом некоторые ингушские «первые» жены не желали мириться с таким семейным укладом и решались на развод. М.С-Г. Албогачиева отмечает, что некоторые женщины после привода мужьями вторых жен, чтобы лишить соперницу права на государственную поддержку в случае развода, расторжение брака официально не оформляли – ни в соответствии с законодательством Российской Федерации, ни в соответствии с нормами религии [Албогачиева 2021: 165]. Она также отметила, что в условиях существующей системы брачных отношений в нашей стране, наличие второй жены сопряжено с рядом сложностей, так как отсутствие официальной регистрации может привести к ограничению прав и возможностей второй жены (например, в отношении жилой площади, наследства, регистрации рожденных детей и др.). В полигамных браках только первая жена имеет соответствующий штамп в паспорте

¹ Указом президента Республики Ингушетия «О некоторых вопросах государственной регистрации заключения браков» от 19 июля 1999 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.garant.ru/34302411/> Дата обращения: 10.12.2024 г.

[Албогачиева 2021: 165]. Все это усиливает актуальность поставленной проблемы, т.к. оценка ситуации в регионе в контексте прав жен и детей в полигамных семьях требует отдельного исследования.

Респондент из с.п. Средние Ачалуки Республики Ингушетия отметил, что в ее истории полигамной семьи она не заметила соблюдения мужем ее мусульманских прав, как жены. О приводе последующих жен муж с ней не советовался. Через 11 лет супружеской жизни, в течение которых у них успело родиться 5 детей, супруг женился вторично на представительнице другого народа. Респондент, став «первой женой», с такой ролью соглашаться не стала и ушла из семьи вместе с детьми. Супруг не стал возражать. По словам информанта, через еще 10 лет бывший супруг снова женился, так же не сообщив о своем намерении уже второй жене. Та, в свою очередь, тоже не смогла жить в полигамном браке и ушла от супруга, забрав их троих детей [ПМА. № 4].

Встречаются примеры полигамных семей в ингушском народе и в наши дни. В время сбора полевых материалов с 2022 по 2024 годы автором было выявлено, что определенная часть незамужних, не бывавших замужем и находящихся в статусе разведенных девушек и женщин в возрасте от 30 лет и выше, а также уже находящихся в статусе «вторых жен» относятся к полигамному браку в большей степени нейтрально, рассматривая для себя его хоть и не желательным, но допустимым. В то же время, незамужние и не состоявшие в браке девушки до 30 лет, а также женщины, состоящие в моногамных браках и «первые» жены в полигамных браках такой вид брака, чаще всего, порицают и считают далеким от «идеала». Это можно объяснить тем, что, будучи ориентированными на построение собственной семьи, ингушские девушки, в большей части по-прежнему ограниченные в силу национального менталитета в выборе женихов в пределах своего этноса, а также в силу значительного демографического перекоса в пользу женской части населения относительно мужской, вынуждены рассматривать для себя перспективы вступления в полигамные браки. По данным Росстата, на 2020 г. на 1000 мужчин трудоспособного возраста приходится 1152 женщины трудоспособного возраста [Статистический ежегодник Республика Ингушетия 2022: 22]. Однако, начиная с 2022 г. и по настоящее время, ингуши-мужчины продолжают погибать в вооруженных конфликтах (например, в специальной военной операции, проводимой РФ на территории Украины, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей).

Нередко от ингушских девушек старше в возрасте от 30 лет можно услышать рассуждения о том, что вступление в брак их интересует не столько из желания реализовать надежды на личное счастье, сколько из отсутствия других предложений о замужестве, а также страха прожить жизнь в одиночестве и естественного для ингушской женщины, исторически ориентированной на семейную жизнь, желания родить детей. В процессе сбора нами полевого материала среди ингушских женщин была также выявлена не самая обычная, но бытующая в обществе, расцениваемая как корыстная, тенденция привода «первыми» женами «невест» для мужей. Эта тенденция выражалась в том, чтобы «младшая жена» родила сына, после чего «старшая» жена, изыскав способ довести молодоженов до развода, приводила к тому, что новорожденный сын, который в соответствии

с народными традициями оставался в семье мужа и продолжал жить в уже моногамной семье, будучи разлученным и нередко лишенным контактов с кровной матерью. Такая практика, хоть и кажется удивительной и является редкой, но по заверениям респондентов, не единична и иногда встречается в семейно-брачных отношениях ингушского населения Кавказа.

Жительница г. Назрань рассказала о случае, произошедшем с ее родственниками, где муж объявил жене о желании вторично жениться в связи с тем, что в семье не рождаются мальчики. Не желая становиться *«первой женой»*, супруга *«ушла из дома»*, после чего ее супруг женился на своей новой пассии. Молодожены сняли себе квартиру в одном из многоэтажных домов Магаса и зажили своей жизнью. У них родился сын. Тогда «первая» жена, не забывшая свою обиду, сняла квартиру на одной площадке с ними и заселилась в квартире прямо напротив. Нужно ли говорить, что, немного времени спустя, новоиспеченные родители развелись, а бывшие супруги, теперь уже вместе с маленьким сыном, лишенным матери, снова зажили своей семьей [ПМА. № 5].

По поводу эмоциональной составляющей полигамных браков в ингушском обществе М.С-Г. Албогачиева отмечала, что в полигамных браках может быть равное проявление отношения к супругам, однако невозможно, чтобы оно такой брак строился на основе равной любви к женам, так как это превосходит человеческие возможности. «Вы никогда не сумеете относиться одинаково справедливо к женам, если бы даже очень хотели этого. Не будьте же полностью благосклонны к одной, оставляя другую заброшенной» [Албогачиева 2021: 167].

История пожелавшей остаться не названной респондентки, которая состоит в полигамном браке в настоящее время, также ничего не знала о намерениях супруга привести вторую жену спустя 16 лет совместной жизни. Рассказчица считала, что всегда была покорной женой, старалась быть идеальной снохой, и идеальной матерью четверых детей (двух дочерей и двоих сыновей). Делала все, чтобы супруг мог развиваться в профессии, достигать высокого положения в обществе и т.п. Однако все это не помогло сохранить союз супругов от вступления супруга в новый брачный союз. Женщина отметила, что ее супруг живет счастливо и ко ней и общим детям относится уважительно и заботливо, однако, по ее мнению, это – не семья. По ее словам, в полигамных браках в Ингушетии жизнь устроена не так, как об этом говорится в религиозных учениях. На ее взгляд, если с приходом в семью второй жены увеличивается ответственность и разные хлопоты у мужчины, на которого ложатся дополнительные обязательства по содержанию второй семьи и прочее. Но в реальности все состоит совершенно иначе. Традиции таковы, что именно женщина бережет «лицо» мужчины, а значит, это именно ингушка будет стремиться выстроить семейные отношения таким образом, чтобы не нанести урон репутации мужа-двоеженца: демонстрировать обществу дружескую семейную атмосферу; зная о финансовых проблемах супруга, *«меньше хотеть»*; угождать супругу и не выказывать обид, чтобы он хотя бы являлся в дом к детям, которые тоже должны жить в «здоровой» атмосфере и проявлял к супруге уважение. В ингушской среде все это ложится на плечи женщины. А в жизни мужчины с появлением второй жены ничего, кроме самого этого факта, на ее взгляд, не меняется» [ПМА. № 6].

Следует отметить, что смирению в столь сложных психологически ситуациях ингушскую девушку учили многими поколениями, воспитывая в ней с самого детства возвышенное отношение к мужчинам рода и семьи и стремление во всем им угодить. В прошлом «в девочке-ингушке с малолетства старались воспитать качества, которые считались необходимыми для ингушской женщины в замужестве: знание и строгое соблюдение обычаев, скромность и терпение, послушание и покорность старшим и мужу в семье...» [Гетагазова 2023: 511]. В наши дни смирению восприятию желания мужа привести в дом вторую жену учит уже религия, в соответствии с которой мужчина может иметь до четырех жен одновременно. В мусульманской религии при этом описывается ряд условий, обязательных к соблюдению при создании полигамных семей.

По мнению многих опрошенных женщин-ингушек, проживающих или проживавших в полигамных браках, эти условия мужьями-многоженцами соблюдаются не в полной мере. Некоторые истории наших респонденток о полигамных браках были схожи: «старшая» жена, смирившись, оставалась «дохаживать» престарелых родителей супруга, так как они являлись для нее почитаемыми и уже успевшими стать родными людьми, «бабушками и дедушками» ее детей, а с «молодой» женой супруг поселялся в отдельном жилье. Хотя по нормам шариата, муж обязан относиться к каждой супруге одинаково. Это касается и супружеского долга и материального обеспечения. Все строго по графику, чтобы все жены были довольны. Но на деле, по рассказам респондентов, чаще всего, все так, как удобно мужу.

Так, например, из рассказа 56-летней ингушки стало известно, что 11 лет назад при трагических обстоятельствах погибли их двое сыновей и осталась одна дочь. Через два года после похорон родственники мужа стали уговаривать его жениться вторично, так как «нет наследника». По словам женщины, некоторое время он прямо им отвечал, что никогда этого не сделает и она ему верила, ведь они всю жизнь жили душа в душу. Но уговоры не затихали и настал день, когда мужчина согласился с доводами родственников. По ее словам, решение супруга привести вторую жену показалось ей жутким и бесчеловечным предательством. У мужа со второй женой родился сын. Супруг был счастлив, сожительствуя преимущественно с «младшей» женой. По словам женщины, ни о каком сожительстве с несколькими женами по очереди как это предполагается в мусульманской религии, речи нет. С «младшей» женой ингушка встречается в среднем одним раз в пару лет – на семейных мероприятиях. Обе стараются вести себя «приветливо». Женщина отмечает, что привыкла к такому образу жизни [ПМА. № 7].

В ходе исследования мы обнаружили, что некоторые женщины, проживающие в семьях в качестве «вторых» жен, идут на контакт с интервьюером менее охотно. Одна из них, в свое время жившая в статусе «второй» жены, поделилась своей историей. По ее словам, мужчина был решительно настроен на их союз. Сама она уже была в разводе несколько лет. Жизнь в первом браке у нее не задалась, и она была одинока. Ее дети после развода в соответствии с ингушской традицией остались проживать с первым супругом, несмотря на судебные тяжбы. После долгих уговоров со стороны второго супруга она согласилась на полигамный брак. При этом супруг настаивал на том, чтобы она никаким

образом не давала первой его жене о себе знать. В нешироком кругу близких прочитали мовлид (религиозный обряд с застольем), был передан калым, с помощью муллы заключили брак, и без каких-либо свадебных церемоний состоялось оформление брака. Однако он продлился недолго – несколько месяцев. Несмотря на то, что, в действительности, супруг стал обеспечивать вторую жену финансово, фактически, по ее словам, она по-прежнему была очень одинокой. Супруг скрывал ее от первой жены и почти все время проводил со «старшей» женой и детьми. Вторую жену навещал, когда получалось. В конце концов, она стала от этого страдать, в связи с чем просила раскрыть их союз перед первой женой и другими родственниками, на что супруг ответил отказом, а затем и вовсе принял решение расторгнуть брак с ней [ПМА. № 8].

История второй жены из с.п. Сурхахи очень сходна с предыдущей. Женщина вышла замуж, так как чувствовала себя лишней в семье брата, где жила в статусе разведенной золовки. В первом браке детей у нее не родилось и, так как по ингушским традициям женщина не может жить одна, она вернулась после развода в отчий дом, где уже не было родителей, а жил ее младший брат со своей семьей. Брат тотально контролировал разведенную сестру, как это и принято в народе, – *«я должна была отчитываться за каждое свое движение, ведь на мне было что-то вроде «клейма» – «разведенка» (инг. «жеро»)*». Статус разведенной, ощущение себя лишней в семье брата, бесконечное давление – все это заставляло женщину мечтать о собственном уголке. Поэтому, когда поступило предложение выйти замуж второй женой за малоизвестного человека, где первая жена, как обещалось *«была не против»*, она посчитала это выходом из затруднительного положения и шансом на собственное счастье. При свидетельстве муллы был заключен никях (мусульманский брак), самой свадьбы не было – так состоялось оформление брака. За несколько лет брака детей у так и не появилось, а это было главной надеждой ингушки. Однако женщина, имея собственный заработок, успела за свой счет отремонтировать дом, в котором жила с мужем и его детьми от первой жены, выдать двоих падчериц замуж, полностью профинансировав их свадебные расходы. По ее словам, так она старалась зажить «своим счастьем». Скандалы с первой женой, относившейся к ней *«как к главному врагу в жизни»*, несправедливость мужа, потеря здоровья – все это привело к разводу. По словам женщины, она верит, что полигамный брак может быть мирным, но именно ей не посчастливилось [ПМА. № 9].

Несмотря на бытующие в местном обществе представления о том, что современные ингушские мужчины женятся вторично по причине потери интереса к первым женам в связи с их непривлекательностью, социальной нереализованностью или возрастной неухоженностью, в ходе опросов не подтвердились. Опрошенная жительница г. Сунжа, являющаяся очень ухоженной и привлекательной бизнес-леди, сообщила, что в возрасте 45 лет решила на беременность, так как муж стал задумываться о вторичной женитьбе, по его заверениям, по причине отсутствия сына. Женщина рассказывает, что никогда бы не подумала, что супруг переживает по поводу отсутствия сына – он не выказывал подобных мыслей. Чтобы сохранить семью в том смысле и значении, которое она придает понятию «семья», она, несмотря на страхи в связи с возрастом, а также

противопоказания врачей, решила на беременность. *«Надеюсь, у нас родится сын и все наладится»* – делится респондент [ПМА. № 10].

На интервью мужчины – многоженцы соглашаются редко. Но тем не менее, даже те немногие интервью позволяют сделать вывод о том, что многие мужчины идут на этот шаг, чаще, побуждаемые обыкновенным мужским интересом к представительницам противоположного пола, реже – из желания иметь большее количество детей (сыновей). При этом характерной особенностью представителей ингушских мужчин является то, что почти всегда они продолжают содержать «первую» жену и общих детей и не стремятся расторгнуть с ними брак, в силу своих возможностей продолжая их материально обеспечивать и нести ответственность за их жизни.

Любопытно отметить, что двое из пожелавших себя не называть мужчин, имевших опыт проживания в полигамных семьях, в ходе интервью озвучили мысль о том, что «когда и пока у мужчины есть солидные деньги, у него будут «вторые» и т.д. жены. Но как только денег не станет, не станет и всех этих жен» [ПМА. № 11]. Один респондент поделился тем, что когда его посадили в тюрьму, двух «младших» из трех своих жен, так как у них еще не успели родиться дети, он «отпустил», то есть дал им развод, обосновывая это тем, что заботился об их судьбах в силу их молодого возраста [ПМА. № 12].

Другой респондент поделился своим опытом жизни в полигамной семье, рассказав о том, что впервые он привел «вторую» жену так как, несмотря на большое уважение к «первой» жене, в то время она уже длительное время болела онкологией. После, по словам информанта, он женился еще трижды. Сначала он привел в дом «вторую» жену, через некоторое время «первая» супруга скончалась. Далее мужчина женился еще трижды, но последующие браки не были долговечными. В момент интервью у респондента было две жены, а детей – 17, рожденных от пяти жен. Все они в тесном контакте со отцом, который их обеспечивает, при необходимости, помогая финансово и бывшим женам. «Скажу так, ситуации бывают разные. Я знаю только одно – женщину никогда ни в чем нельзя винить. Всю ответственность за семью в жизни должен брать на себя мужчина». Мужчина отметил, что никому из мужчин не советовал бы без особой на то необходимости, вступать в полигамные браки – это большая ответственность. Однако, по его словам, если такая семья сложилась, необходимо быть очень жестким и справедливым с женами, иначе их соперничество и женские эмоции создадут страшный «хаос». *«Стоит проявить с ними слабость в отношении взаимодействия друг с другом, все идет наперекосяк»*. До создания полигамной семьи мужчина рекомендует организовать встречу невесты и жен и позволить им задать друг другу все интересующие их вопросы. «Я считаю, что женщина – это «столп», который держит крышу дома. Если повезло с женой – ты счастливейший из людей» – отметил респондент [ПМА. № 13].

Как отмечали многие респонденты во время полевых исследований, почти каждая ингушская женщина, состоящая в наши дни в моногамном браке, регулярно в полушуточном тоне слышит «угрозы» мужа и его родственников о второй женитьбе, «если что-то пойдет не так». Кто-то поделился, что привык отшучиваться в ответ на такие шутки, кто-то обижается. Однако реальную

возможность реализации такой «угрозы» в наши дни, как и в далеком прошлом, так или иначе, осознает почти каждая замужняя женщина вне зависимости от возраста, места жительства, степени образованности или социального положения.

Следует отметить также и относительно правового обеспечения женщин, состоящих в полигамных браках. В российском государстве нет и не может быть правовой базы, регулирующей права женщин, состоящих в полигамных браках. В настоящее время по вопросам семейных отношений лица, состоящие в таких браках, могут обращаться как в гражданский суд, так и в кадиат (территориальное подразделение муфтията) Ингушетии. При проведении исследования случаев обращения ингушскими женами, состоящими или состоявшими в полигамных браках в кадиат, выявлено не было. Причиной отсутствия таких примеров среди опрошенных жителей региона автор считает щепетильность темы исследования для представителей нации и нежелание «выносить сор из избы».

Заключение

На основании проведенного исследования можно заключить, что, несмотря на устойчивое отрицательное отношение российского государства и ингушского общества к полигамии, многоженство как существовало в ингушском социуме в прошлом (начало XIX в.), так продолжает неформально существовать и в настоящее время (XXI в.). Это происходит несмотря на то, что с течением времени в процессе урбанизации региона, модернизации ингушской культуры и реисламизации менялись причины вступления мужчин и женщин в полигамные браки. Такая форма семейных отношений в наши дни продолжает неформально существовать и в масштабах своей распространенности в народе сохраняется приблизительно на том же уровне, что и в далеком прошлом.

В то же время, если раньше многоженство среди ингушей выполняло задачи в основном социального и экономического характера (позволяло укреплять общинные связи, поддерживать культуру предков, оказывать экономическую поддержку женщинам, содействовало деторождению), то в наши дни полигамия среди ингушей уже больше обусловлена субъективными интересами брачующихся и реже – желанием мужчины укрепить род или увеличить потомство. При этом степень образованности, место проживания, возраст, социальный статус и другие личностные аспекты в наши дни значения почти не играют. Женщины и мужчины видят полигамный брак по-разному, но отчасти признают его бытование в современном ингушском обществе. Полигамный брак с современной ингушкой в условиях существенного гендерного дисбаланса порой оценивается как «единственная возможность построить семью и родить детей». При этом на «женское счастье» или «счастье жены» вступающие в полигамный брак заведомо не рассчитывают, более того, готовят себя к значительным эмоциональным и бытовым сложностям. Так, если в прошлом необходимость полигинии, в первую очередь, диктовалась потребностью мужчин в большом количестве сыновей, а женщин – в крове, покровителе или спутнике жизни, то в наши дни мужчины, чаще всего, пользуются религиозным дозволением на вступление в полигамный брак, мотивируя свой поступок обыкновенной симпатией к девушке, реже – желанием иметь большее количество детей мужского пола, а девушки и женщины

– желанием создать семью в условиях существенного гендерного дисбаланса, иметь возможность родить детей, и реже, по утверждению некоторых мужчин-многоженцев, – простым меркантильным интересом.

Современные ингушки, более самостоятельные в экономическом отношении, чем женщины, вступавшие в полигамные браки из материальных и бытовых мотивов, теперь чаще вступают в полигамные браки в качестве «вторых» жен по причине ограниченности выбора в кандидатах на семейную жизнь и движимые желанием уйти из отчего дома, чтобы создать свою семью и иметь детей.

Исходя из собранных полевых материалов, можно сделать вывод, что полигамные браки среди ингушей, как в прошлом, так и в наши дни, чаще всего, не наполнены теплыми человеческими эмоциями, а больше выполняют функцию воплощения в допустимом и доступном формате желания вступить в законные в религиозном смысле семейные отношения. Личные чувства или искренние эмоции людей, и в особенности женщины, в полигамных браках и сегодня, и в прошлом отодвигались на последний план, уступая определяющее значение субъективным целям и потребностям.

Говоря о сравнительной распространенности практик полигамии в ингушском социуме с XIX в. по наши дни, следует отметить, что в целом полигамные браки в ингушском обществе не имеют широкого распространения, хотя стабильно фиксируются обществом и, в то же время, большой редкостью их тоже не назовешь. В связи с тем, что юридически двоеженство никак не фиксируется, установить число полигамных браков в Республике Ингушетия в настоящее время невозможно. Так же следует отметить, что автору не удалось найти примеров обращения за защитой своих прав лиц, состоящих или состоявших в полигамных браках в гражданский суд или региональный кadiят. Причиной отсутствия примеров подобных «историй» в ходе сбора полевых материалов автор считает нежеланием «посвящать посторонних в семейные проблемы».

Таким образом, полигамия в современном ингушском обществе, отчасти сохраняя свои исторические корни, адаптируется к реалиям XXI в. Хотя она остается малораспространенной неформальной практикой, она все же играет определенную роль в развитии семейно-брачных отношений ингушского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полевые материалы этнографических экспедиций:

- ПМА. № 1 – ПМА, с.п. Долаково, 2024 г. № 1.
- ПМА. № 2 – ПМА, с.п. Галашки, 2024 г. № 2.
- ПМА. № 3 – ПМА, г. Назрань, 2024 г. № 3.
- ПМА. № 4 – ПМА, с.п. Средние Ачалуки, 2023 г. № 4.
- ПМА. № 5 – ПМА, с.п. Плиево, 2022 г. № 5.
- ПМА. № 6 – ПМА, г. Магас, 2022 г. № 6.
- ПМА. № 7 – ПМА, г. Карабулак, 2023 г. № 7.
- ПМА. № 8 – ПМА, г. Назрань, 2024 г. № 8.
- ПМА. № 9 – ПМА, с.п. Сурхахи, 2023 г. № 9.
- ПМА. № 10 – ПМА, г. Сунжа, 2024 г. № 10.
- ПМА. № 11 – ПМА, с.п. Экажево, 2024 г. № 11.
- ПМА. № 12 – ПМА, с.п. Сурхахи, 2022 г., № 12.
- ПМА. № 13 – ПМА, с.п. Бейни, 2023 г. № 13.

Литература

- Агиева 2011 – *Агиева Л.Т.* Этнография ингушей. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2011. – 625 с.
- Акиева 2017 – *Акиева П.Х.* Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла). Дис. докт. ист. н-к. – Махачкала, 2017. – 425 с.
- Албогачиева 2009 – *Албогачиева М.С.-Г.* Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. Этнология, история, археология, культурология: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: к столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2008 года. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – С. 114-118.
- Албогачиева 2012 – *Албогачиева М.С.-Г.* Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Том Выпуск 13. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. – С. 198-209.
- Албогачиева 2014 – *Албогачиева М.С.-Г.* Роль адата и шариата в российской правовой системе // Платон. – 2014. – № 4. – С. 43-50.
- Албогачиева 2021 – *Албогачиева М.С.-Г.* Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институты (XVIII – начало XXI в.). Дис. докт. ист. н-к. – Санкт-Петербург, 2021. – 434 с.
- Батлер 2022 – *Батлер Дж.* Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности / Пер. К. Саркисова. – М.: V-A-C-Press, 2022. – 269 с.
- Берлин 1992 – *Берлин И.* Четыре эссе о свободе. – London: Overseas publ interchange, 1992. – 394 с.
- Гетагазова 2022 – *Гетагазова А.М.* Традиционные родильные и детские обряды в современных практиках ингушей // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 2 (53). – С. 32-44;
- Гетагазова 2023 – *Гетагазова А.М.* Национальные традиции воспитания девочки-ингушки в прошлом и настоящем // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19. – № 2. – С. 503-517.
- Далгат 2008 – *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892-1894 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 383 с.
- Дзарахова 2021 – *Дзарахова З.М.-Т.* Вековые устои ингушской семьи. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2021. – 292 с.
- Кудусова 1991 – *Кудусова Ф.И.* Семья и семейный быт ингушей (XIX – начало XX вв.). – Грозный: Книга. 1991. – 80 с.
- Милль 1896 – *Милль Д.С.* Подчиненность женщины. – СПб.: В.И. Губинский, 1869. – 121 с.
- Статистический ежегодник Республика Ингушетия 2022 – «Статистический ежегодник». Республика Ингушетия. 2022: стат. сб./ С78 Северо-Кавказстат. – Ингушетия: б/и, 2021. – 189 с.
- Харсиев 2015 – *Харсиев Б.М.-Г.* Инициативы советской власти по переустройству семьи и семейного быта на Северном Кавказе // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2015. – № 1. – С. 87-102.
- Эдиев 2003 – *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. – Ставрополь: СтГАУ «Аргус», 2003. – 336 с.

REFERENCES

Field materials of ethnographic expeditions:

- PMA, r.s. Dolakovo, 2024 No. 1;
 PMA, r.s. Galashki, 2024 No. 2;
 PMA, Nazran, 2024 No. 3;
 PMA, r.s. Middle Achaluca, 2023 #4;
 PMA, r.s. Plievo, 2022 No. 5;
 PMA, Magas, 2022 No. 6;
 PMA, Karabulak, 2023 No. 7;

- PMA, Nazran, 2024 No. 8;
 PMA, r.s. Surkhakhi, 2023 No. 9;
 PMA, Sunzha, 2024 No. 10;
 PMA, r.s. Ekazhevo, 2024 No. 11;
 PMA, r.s. Surkhakhi, 2022, No. 12;
 PMA, r.s. Baney, 2023 No. 13.

Literature

- AGIEVA L.T. *Etnografiya ingushej* [Ethnography of the Ingush]. – Majkop: Poligraf-YuG, 2011. – 625 p. (In Russ.).
- AKIEVA P.H. *Arhetipicheskoe v etnokul'ture ingushej (na materiale mifologii, nart-skogo eposa i obryadov zhiznennogo cikla)* [The archetypal in the Ingush ethnoculture (based on the material of mythology, the Nart epic and the rituals of the life cycle)]. Dis. dokt. ist. n-k. – Mahachkala, 2017. – 425 p. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Funkcionirovanie v Ingushetii trekhzvennogo suda: adatnogo, shariatskogo i rossijskogo (XIX v.)* [The functioning of a three-tier court in Ingushetia: the Adate, Sharia and Russian (19th century)]. In: Lavrovskij sbornik. Etnologiya, istoriya, arheologiya, kul'turologiya: Materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskih chtenij 2008-2009 gg.: k sto-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Ivanovicha Lavrova, Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2008 goda. – Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2009. – P. 114-118. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Sistema terminov rodstva i semejno-brachnye otnosheniya u ingushej* [System of kinship terms and family and marriage relations among the Ingush]. In: Algebra rodstva. Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. Tom Vy-pusk 13. – Sankt-Peterburg: Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunst-kamera) RAN, 2012. – P. 198-209. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Rol' adata i shariata v rossijskoj pravovoj sisteme* [The role of Adat and Sharia in the Russian legal system]. In: Platon. – 2014. – № 4. – P. 43-50. (In Russ.).
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Islam v social'noj zhizni ingushej: istoriya, praktiki, institucii (XVIII – nachalo XXI v.)* [Islam in the social life of the Ingush: History, practices, institutions (XVIII – early XXI centuries)]. Dis. dokt. ist. n-k. – Sankt-Peterburg, 2021. – 434 p. (In Russ.).
- BATLER DZH. *Gendernoe bespokojstvo. Feminizm i podryv identichnosti* [Gender concern. Feminism and identity subversion] / Per. K. Sarkisova. – M.: V-A-C-Press, 2022. – 269 p. (In Russ.).
- BERLIN I. *Chetyre esse o svobode* [Four essays on freedom]. – London: Overseas publ interchange, 1992. – 394 p. (In Russ.).
- GETAGAZOVA A.M. *Tradicionnye rodil'nye i detskie obryady v sovremennyh praktikah ingushej* [Traditional maternity and child rites in modern Ingush practices]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. – 2022. – № 2 (53). – P. 32-44. (In Russ.).
- GETAGAZOVA A.M. *Nacional'nye tradicii vospitaniya devochki-ingushki v proshlom i nastoyashchem* [National traditions of raising an Ingush girl in the past and present]. In: Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza. – 2023. – T. 19. – № 2. – P. 503-517. (In Russ.).
- DALGAT B.K. *Rodovoj byt i obychnoe pravo chechencev i ingushej. Issledovanie i materialy 1892-1894 gg.* [Tribal life and customary law of Chechens and Ingush. Research and materials]. – M.: IMLI RAN, 2008. – 383 p. (In Russ.).
- DZARAHOVA Z.M.-T. *Vekovye ustoi ingushskoj sem'i* [The age-old foundations of the Ingush family]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyj izda-tel'skij dom, 2021. – 292 p. (In Russ.).
- KUDUSOVA F.I. *Sem'ya i semejnyj byt ingushej (XIX – nachalo XX vv.)* [Family and family life of the Ingush (XIX – early XX centuries)]. – Groznyj: Kni-ga. 1991. – 80 p. (In Russ.).
- MILL' D.S. *Podchinennost' zhenshchiny* [Subordination of women]. – SPb.: V.I. Gubinskij, 1869. – 121 p. (In Russ.).
- Statisticheskij ezhegodnik. Respublika Ingushetiya* [Statistical yearbook. The Republic of Ingushetia. 2022]. 2022: stat. sb./ S78 Severo-Kavkazstat. – Ingushetiya: b/i, 2021. – 189 p. (In Russ.).

HARSIEV B.M-G. *Iniciativy sovetskoj vlasti po pereustroystvu sem'i i semejnogo byta na Severnom Kavkaze* [The initiatives of the Soviet government to rebuild the family and family life in the North Caucasus]. In: Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gu-manitarnyh nauk im. Ch.E. Ahrieva. – 2015. – № 1. – P. 87-102. (In Russ.).

EDIEV D.M. *Demograficheskie poteri deportirovannyh narodov SSSR* [Demographic losses of the deported peoples of the USSR]. – Stavropol': StGAU «Argus», 2003. – 336 p. (In Russ.).

Сведения об авторе:

А.М. Гетагазова – аспирант.

Information about the author

A.M. Getagazova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 06.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 06.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.